

ЧАСТЬ

I

Глава 1

НОВЕНЬКИЙ

Меня зовут Итан Чейз.
И я сомневаюсь, что доживу до своего восемнадцатилетия.

Я не драматизирую, просто говорю как есть. Об одном жалею: что втянул в эту неразбериху столько людей. Они не должны были страдать из-за меня. Особенно... она. Боже, если бы я только мог повернуть время вспять, никогда бы не показал ей свой мир — тщательно скрытый прямо у нас перед носом. А ведь внутренний голос подсказывал мне, что не нужно ее во все это посвящать. Стоит один раз Их увидеть, и Они уже никогда не оставят тебя в покое. Не отпустят. Возможно, будь я сильнее, она бы не торчала здесь со мной, отсчитывая секунды, отделявшие нас от смерти.

Все началось в тот день, когда я перевелся в новую школу. Снова.

Будильник затрещал еще в шесть утра, но к этому времени я бодрствовал уже целый час, готовясь к очередному дню моей странной, перевернутой с ног на

голову жизни. Хотелось бы мне оказаться на месте парней, которые лениво скатываются с кровати, натягивают футболку и сразу готовы выходить, но моя жизнь, к сожалению, не вписывалась в рамки нормальности. К примеру, боковые карманы рюкзака пришлось наполнить сушеным зверобоем, а рядом с ручками и тетрадами положить баночки с солью. В каблуки новеньких ботинок, купленных мамой к семестру, потребовалось ввинтить по три гвоздя. Под рубашкой я носил железный крест на цепочке, а прошлым летом наконец-то проколол уши и вдел в них металлические серьги-шпы. На самом деле еще я вставил кольцо в губу и проколол бровь, но когда в таком виде явился домой, то отец поднял такой крик, что сотрясалась крыша дома, и в итоге мне разрешили оставить лишь серьги.

Я вздохнул и посмотрел на себя в зеркало, желая удостовериться, что выгляжу максимально недостижимо. Порой я замечал, с какой печалью на меня взирала мама, словно задавалась вопросом, куда делся ее маленький мальчик. У меня были каштановые кудри, как у отца, пока однажды я не схватился за ножницы и не обкорнал их, отчего на месте пышной шевелюры теперь красовались неровные колючие пряди. Прежде я мог похвастать ясными голубыми глазами — такими же, как у матери и, по всей видимости, сестры. Но с годами они начали темнеть, приобретая дымчато-синий цвет с серым отливом. Отец шутит, все это оттого, что я постоянно сверлю всех свирепым взглядом. У меня не было необходимости спать с ножом под матрасом, рассыпать соль на подоконниках и класть подкову у двери. В прошлой жизни меня не называли угрюмым, неприветливым и невыносимым. Я много улыбался и смеялся. Сейчас такое случалось крайне редко.

Знаю, мама беспокоится за меня. Папа считает, что это обычное подростковое стремление показать неповиновение, крутой характер, и я прохожу некий этап, который обязательно перерасту. Прости, пап. Но моя жизнь далека от обычной. И я справляюсь с тем, что выпадает на мою долю, как умею.

— Итан? — Из-за двери моей комнаты донесся мягкий неуверенный голос матери. — Начало седьмого, ты уже встал?

— Встал. — Подхватив рюкзак, я закинул его на плечо, поверх белой рубашки, разумеется, одетой наизнанку, и заметил торчащий из-под воротника ярлык. Еще одна небольшая дикость, к которой родители уже привыкли. — Сейчас выйду.

Схватив ключи, я выскользнул за дверь со знакомым ощущением смирения и накатывающего ужаса. *«Ну ладно. Давай переживем этот день»*.

У меня странная семья.

Хотя с первого взгляда так и не скажешь. Мы кажемся совершенно нормальными. Эдакая славная американская семья, живущая в славном районе пригорода, где славные чистые улицы и по обеим ее сторонам обитают славные соседи. Десять лет назад мы жили на болотах, разводили свиней. Тогда нам ни на что не хватало денег, мы считались простаками из захолустья и были счастливы. А затем мы переехали в город, вернулись к цивилизации. Поначалу отцу, закоренелому фермеру, ничего не нравилось. Ему приходилось приспосабливаться, но со временем у него получилось. Матери удалось убедить его, что нам нужно поселиться ближе к людям, что *мне* нужно перебраться ближе к людям, иначе изоляция плохо на мне скажется. Само собой, такую байку она скармливала отцу, но я-то знал истинную причину. Она

боялась. Боялась Их, страшилась того, что меня снова заберут, снова похитят фейри и утащат в Небыль.

Да-да, я предупреждал, что у меня странная семья. И хуже всего даже не это.

У меня есть сестра. Сводная сестра, которую я не видел много лет, и не потому, что она сильно занята или вышла замуж за иностранца, увезшего ее за океан или в другую страну.

Нет, просто она королева. Королева фейри, одна из Них, и она никогда не сможет вернуться домой.

Еще скажите, что *это* не полная дичь.

Разумеется, я ни с кем не смогу этим поделиться. От обычных людей мир фейри скрыт — он зачарован и потому невидим. Большинство даже не увидели бы гоблина, подойди тот и укуси их за нос. Лишь немногие смертные, проклятые Зрением, способны видеть фейри, что притаились в темных углах или под кроватями. Уж они-то понимают, что жуткое ощущение, будто за ними наблюдают, не плод их разыгравшегося воображения, а шумы в подвале или на чердаке не имеют ничего общего с просадкой дома.

Мне повезло. Так вышло, что я в числе этих счастливыхчиков.

Безусловно, родители волнуются, особенно мама. Люди и так думают, что я странный, опасный, а возможно, и отчасти сумасшедший. Если повсюду замечаешь фейри, этого не избежать. Ведь если фейри *знают*, что вы их видите, то, как правило, превращают вашу жизнь в сущий ад. В прошлом году меня выгнали из школы за поджог библиотеки. Как я должен был объясниться? Я невиновен, потому что пытался убежать от красного колпачка, увязавшегося за мной на улице? И фейри втягивали меня в неприятности уже не в первый раз. Я был «плохим парнем», которого учителя обсуждали

шепотом; тихим непредсказуемым ребенком, который, по всеобщему мнению, обязательно попадет в вечерние новости из-за совершения какого-нибудь ужасного, шокирующего преступления. Порой это приводило в бешенство. Меня самого не сильно заботили косые взгляды окружающих, а вот маме приходилось тяжело, потому я старался вести себя хорошо, насколько тщетными бы ни казались попытки.

В этом семестре я иду в новую школу, находящуюся в новом месте. Где при любых других обстоятельствах я мог бы начать все с чистого листа, однако ничего не выйдет. Пока я вижу фейри, они не оставят меня в покое. Остается только защищать себя и свою семью и надеяться, что я больше никому не причиню вреда.

Когда я, в конце концов, вышел из комнаты, мама уждала меня, устроившись за кухонным столом. Отца рядом с ней не было. Он работал разносчиком посылок в ночную смену и часто спал до середины дня. Обычно мы видимся за ужином и по выходным. Это вовсе не значит, что он понятия не имел о том, что происходит в моей жизни; я допускал, что мама знает меня куда лучше, но папа не скупился на наказания, если считал, что я учусь спустя рукава, или если ему пожаловалась мама. Два года назад мне поставили двойку по естествознанию, и с тех пор плохих отметок я не получал.

— Сегодня важный день, — поприветствовала меня мама, когда я швырнул рюкзак на кухонный островок и открыл холодильник, чтобы достать апельсиновый сок. — Ты точно знаешь дорогу в новую школу?

Я кивнул.

— Занес адрес в GPS на телефоне. Она не так уж далеко. Все будет хорошо.

Мама сомневалась. А я понимал, что она не хочет отпускать меня одного, хотя я из кожи вон лез, пока

копил на машину. На ржавый серо-зеленый пикап. Он стоял на подъездной дорожке рядом с папиным грузовиком и являлся результатом целого лета работы — мне приходилось готовить бургеры, мыть посуду и драить полы, избавляясь от следов пролитых напитков, рассыпанной еды или рвотных масс. На выходных я задерживался допоздна и наблюдал за тем, как другие дети моего возраста развлекаются, целуются с подружками и сорят деньгами так, словно те растут на деревьях. Я с невероятным трудом заработал на свой пикап и, разумеется, не собирался ехать в школу на долбаном автобусе.

Но поскольку мама смотрела на меня с печальным, почти испуганным выражением лица, я вздохнул и пробормотал:

— Хочешь, я позвоню тебе, как доеду?

— Нет, милый. — Она выпрямила спину и отмахнулась от моего предложения. — Все в порядке, ты не обязан этого делать. Просто... пожалуйста, будь осторожен.

Я услышал то, что мама не произнесла вслух. «Осторожнее с Ними. Не привлекай Их внимания. Не позволяй втянуть тебя в неприятности. Постарайся на этот раз не вылететь из школы».

— А как иначе.

Она посидела немного молча, затем быстро чмокнула меня в щеку и побрела в гостиную, делая вид, будто занята. Я допил сок, налил еще стакан и открыл холодильник, чтобы поставить канистру на место.

Когда я захлопнул дверцу, с нее соскользнул магнит, со звоном упавший на пол, и вниз полетел придавливаемый им листок. «Показательные выступления в стиле калі, сб.» — было написано на нем. Я поднял бумажный лист и тут же занервничал, но решил не подавлять свои чувства. Я начал заниматься калі, филиппинским боевым искусством, несколько лет назад, желая улучшить на-

выки защиты от того, что скрывается за каждым углом. Привлекло меня это искусство тем, что для борьбы и защиты можно использовать не только голые руки, но и палки, ножи и мечи. А в мире, где любимым оружием придворных созданий являлись мечи, а кинжалами владели даже гоблины, следует быть готовым ко всему. В эти выходные пройдет турнир по боевым искусствам, где наш класс устраивает показательные выступления, а я согласился поучаствовать.

Во всяком случае, если смогу дотянуть до выходных, не вляпавшись в очередную неприятность. Когда дело касается меня, то проще сказать, чем сделать.

* * *

Идти в новую школу в середине осеннего семестра — отстой.

Поверьте. Плавали, знаем. Сперва предстоит отыскать свой шкафчик, вынести любопытные взгляды, что провожают по коридору, а затем, испытывая страшную неловкость, в новом классе прошествовать к своей парте, чувствуя, как двадцать или тридцать человек не спускают с тебя глаз, пока ты плетешься между рядами.

«*Может, в третий раз повезет*», — с горечью подумал я и плюхнулся на свое место, которое, к счастью, находилось в дальнем углу. Пара дюжин новообретенных одноклассников обратили все свое внимание на меня, отчего я почувствовал жар. «*Может, в этот раз я все-таки продержусь целый семестр без отчисления. Всего один год — дайте мне доучиться лишь год, и я свободен*». По крайней мере, учительница не стала выставлять меня перед всем классом и представлять. Каждый раз в тот момент хотелось стореть со стыда. Хоть убейте, я не понимаю, почему подобное унижение считается